

АНАТОЛИЙ РЯСОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
М. КАДДАФИ
В СПЕКТРЕ «ЛЕВЫХ ВЗГЛЯДОВ»

Анатолий Рясков

**Политическая концепция
М. Каддафи в спектре
«ЛЕВЫХ ВЗГЛЯДОВ»**

«Автор»

2008

Рясов А. В.

Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов»
/ А. В. Рясов — «Автор», 2008

Монография представляет собой комплексное исследование генезиса и идеологической трансформации концепции «ливийского народовластия» в контексте «левой» политической традиции. Многоаспектный анализ официальной идеологии СНЛАД, в фундамент которой были заложены тезисы «третьей мировой теории» М. Каддафи, изучение реальных механизмов джамахирийской политической системы, а также выявление основных тенденций исторической трансформации спектра «левых взглядов» создают условия для всестороннего понимания особенностей эволюции идеологических доктрин и позволяют уяснить ряд фундаментальных закономерностей мифологизации обыденного сознания в XX столетии. Автор – Анатолий Рясов – родился в Москве в 1978 г. Окончил филологическое отделение ИСАА при МГУ, кандидат политических наук, автор монографии ««Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт» и ряда научных текстов, опубликованных на русском, английском, французском и арабском языках. Книга рассчитана как на специалистов, изучающих идейную эволюцию «левых взглядов», так и на исследователей политических процессов, происходящих в арабском мире, а также – на широкий круг читателей, следящих за событиями в североафриканском регионе и интересующихся идеологической трансформацией социально-политических теорий «левого» толка. Монография может быть использована в качестве пособия в высших учебных заведениях.

© Рясков А. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Введение. Историография	6
Глава 1	18
1. «Левые взгляды» в европейской философской традиции: становление и развитие	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Политическая концепция М. Каддафи в спектре «левых взглядов»

Введение. Историография

Становление и развитие социально-политической концепции ливийского лидера Муаммара Каддафи, как и основанная на ней практика «народовластия», – показательный пример регионального проявления теоретической эволюции и практической реализации «левых взглядов». Ливия была одной из немногих арабских стран, где в течение постколониального времени политическая элита осуществляла глубокие и длительные преобразования под «левыми» лозунгами. Тем не менее, включение воззрений Муаммара Каддафи в спектр политической мысли, определяемый как «левые взгляды», предполагает обращение к контексту, в котором рассматриваются теоретические построения ливийского лидера. В свою очередь, этот контекст не может быть осмыслен без определения рамок самого понятия «левые взгляды».

Содержание этого понятия, объединяющего широкий спектр течений политической мысли, и в момент своего возникновения не имело фиксированного содержания, а в дальнейшем неоднократно трансформировалось и пересматривалось. Диалектика развития «левых взглядов» всегда исключала косность понятий, исконно не представавших как неизменная данность для большинства теоретиков, а рассматривавшихся ими как продукты исторического развития. Если даже воззрения отдельных «левых» философов значительно модифицировались в течение их жизни, то идентичные изменения выступали в качестве закономерных для развития целого пласта политической мысли, что лишнее раз подчеркивало его динамизм в контексте менявшейся социально-политической обстановки, требовавшей переоценки многих, начинавших казаться изжившими себя ценностей.

Полиморфные вариации «левых» моделей политического развития воплотились и в их региональных проявлениях (включая, в частности, Россию и арабские страны)¹. Так, на Арабском Востоке соответствующие ценностные ориентации и принципы получили свое выражение в специфических моделях модернизации, значительно отличавшихся от теоретических разработок европейских и русских философов. Вызревая в принципиально иных социально-политических условиях, «левые взгляды» в арабском мире оформлялись как одно из течений антиколониального движения. В дальнейшем же эти воззрения конституировались, в первую очередь, не в теоретических и философских трудах, а в партийных программах и идеологических доктринах, послуживших главным средством массовой мобилизации. Это означало, в первую очередь, что «левые взгляды» предстали в виде идеологического оправдания процессов нациестроительства, становившихся в XX в. первостепенно важными для легитимации действий различных политических элит в регионе арабского мира.

Национальный контекст всегда содействовал реинтерпретации и модификации базисных теоретических установок и центральных понятий «левой мысли». Несомненно, для большинства европейских «левых» теоретиков корневыми элементами, консолидировавшими их концепции в единый идейный спектр, были *антилиберализм* и *ориентация на пролетариат*. В России же, где в силу исторических обстоятельств «левая мысль» оформлялась как часть спектра взглядов, противостоявших идеологии абсолютизма, аналогами этих базисных для европейских теоретиков величин стали *антиконсерватизм* и *утверждение особой роли института*

¹ Выбор европейских стран и России для иллюстрации становления и развития всего спектра «левых взглядов» обусловлен тем, что именно в этих государствах подавляющее большинство классиков «левой мысли» сформировались как философы, социологи и политики. В свою очередь, исследование трансформации этих идей на Арабском Востоке имеет большое значение для анализа ливийского варианта «левой мысли».

общины. В свою очередь, на Арабском Востоке оформление этого направления политической мысли оказалось нюансировано рядом объективных факторов, которые сделали *антиколониализм* и *национализм* стержневыми элементами «левой мысли» и основанной на ней практики политического действия. Однако даже в рамках арабского геополитического пространства происходило дальнейшее варьирование этих ключевых понятий. Так, в Ливии такими базисными установками стали *антиимпериализм* и (на этапе становления концепции М. Каддафи) *антисоветизм*, а также *ориентация на ценности родоплеменного общества*.

Более значительных оговорок требуют сами понятия «*левая мысль*» и «*левые взгляды*». Эти понятия в силу многих причин (например, нетождественности словосочетания «левые взгляды» значительно девальвированному термину «социалистическая мысль» или более узкому семантически определению «радикальные взгляды») кажутся более удобными, в том числе и для анализа социально-политических воззрений ливийского лидера. Но оба они, несмотря на их очевидную схожесть, не во всех случаях синонимичны. Если «левая мысль» – это, в первую очередь, теоретико-философская традиция, то понятие «левые взгляды» имеет более широкий смысл, в ряде случаев имеет идеологическую нагрузку и означает всю совокупность соответствующих ценностных ориентаций. Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что это течение мысли оформлялось не как философское направление, а скорее – как совокупность идеологических доктрин, направленных на преобразование действительности (то есть мыслительный акт в этом случае оказывался актом политическим), едва ли возможно однозначно определить семантическую грань между терминами «*левая мысль*» и «*левые взгляды*». Поэтому в дальнейшем эти понятия будут до известной степени взаимозаменяемы применительно к соответствующему комплексу идейных установок.

Тем не менее, что же дает основания для включения концепции «ливийского народовластия» в контекст «левых взглядов»?

Большинство ключевых вопросов «левой мысли» на самых разных исторических этапах оставались приоритетными для всех направлений этого спектра взглядов. Общность подходов, тематических ракурсов и категориальных построений, а также очевидная схожесть тенденций оформления и развития «левых взглядов» позволяет рассматривать этот спектр мысли как единую политико-философскую традицию, обособленную от «правых» и «центристских» течений, даже несмотря на то, что сама целостность «левой мысли» проблематична в силу своей исторической изменчивости и географической относительности. Национальная контекстуализация не разрушила тот исходный «идеологический архетип», в соответствии с которым действовали, в частности, арабские «левые» теоретики и практики (а также их коллеги из ареала других «неевропейских» стран). Переход к практической реализации теории в каждом из региональных вариантов «левой мысли» неизменно начинал корректировать теорию, и это означало, что тенденции идеологической трансформации «левых взглядов» вновь совпадали, вне зависимости от региона, где осуществлялась эта практика.

Тем не менее, правомерность сопоставления концепции «ливийского народовластия» с политико-философскими доктринами ряда «левых» идеологов и допустимость включения «третьей мировой теории» в соответствующую политическую традицию не могут быть оправданы без определения терминологических рамок понятия «левые взгляды». Это необходимо и потому, что существует множество дефиниций этого понятия, а само оно, несмотря на частое его использование в научных и публицистических работах, расплывчато, аморфно и вряд ли может иметь однозначное определение.

Если «левые ценности» и зародились в Европе, то их дальнейшее распространение привело к тому, что в каждой из европейских стран в силу местной специфики они стали претерпевать серьезные изменения. Сегодня же правомерно выделять собственно европейскую (а внутри нее французскую, английскую, немецкую, испанскую и пр.), а также русскую, американскую, китайскую, арабскую и другие многочисленные ветви «левой мысли». Возникла

необходимость осмысления тех или иных национальных предпосылок модификации и модернизации «левых ценностей». Это привело не только к тому, что степень пространственно-временной универсальности отдельных категорий и терминов «левой мысли» понижалась по мере ее популяризации, но и к модификации даже ее ключевых понятий.

Большинство теоретиков, относимых к «левым», сами по-разному понимали и трактовали этот термин. Так, например, некоторые из них исповедовали интернационализм, другие же (в частности, в арабских странах), выдвигая задачи деколонизации, апеллировали к националистическим лозунгам. Одни «левые» идеологи и практики отождествляли государственный и общественный типы собственности, другие – жестко разделяли эти два понятия. Дальнейшее многообразие толкований этого термина усугублялось и тем, что многие политические силы, опиравшиеся на «левую» систему ценностей, стали в разных формах приобщаться к осуществлению властных функций, тогда как значительная часть сторонников лагеря «левых» политиков в принципе отрицала возможность «вхождения» во власть.

Противоречия, проявившиеся уже на начальном этапе формирования «левой» ценностной системы, были закономерны, поскольку этот спектр политической мысли был ориентирован, прежде всего, на преобразование, предполагая большую вариативность, чем ставка на традицию и стабильность, потому и многообразие в лагере сторонников «левых взглядов» всегда было больше, а противостояние отдельных течений – гораздо острее, чем среди представителей других идейных ориентаций. Противоречия в среде «левых» объяснялись также и политическими амбициями разнородных партий и организаций, каждая из которых претендовала на «истинное» понимание этой системы ценностей. Это усугублялось еще и тем, что многие «левые» установки, переносившиеся в сферу практики, претерпевали колоссальные, а порой и необратимые изменения, которые уже не совпадали с теорией. То, что лозунги той или иной политической партии основывались на «левых ценностях», далеко не во всех случаях предвосхищало последующую «левую» практику.

Кроме того, «левые взгляды» развивались в тесном контакте с интеллектуальными системами, придерживавшимися иных политических установок, и зачастую как «правые», так и «левые» политические движения апеллировали к одним и тем же философским авторитетам (например, Г. Гегелю, Ф. Достоевскому, Ф. Ницше, М. Хайдеггеру). При этом каждое из трех направлений политической мысли («левые», «правые» и «центристы») в своей критике двух остальных неизменно стремилось свести идеологическую сцену к дуальности, провозглашая, что две другие политические модели в основе своей схожи. Все это не могло не сказаться на деформации «левой мысли», в которую со временем, случайно и/или намеренно, стали просачиваться «правые» и «центристские» ценности, создавая модели симбиоза и углубляя терминологические проблемы. Так, например, в политической науке известен феномен «левого уклона», согласно которому тенденция смещения к крайним позициям приводит к тому, что в обстоятельствах особого социального напряжения формируется «левое» движение, более радикальное, чем официальный фланг «левых сил». В свою очередь, многие «левые» теоретики, критикуя своих оппонентов внутри «левого» же движения, под «правым уклоном» тех или иных идеологов и практиков порой понимали не сходство с консервативными формами правления, а сближение с «центристскими» установками.

Наконец, во второй половине XX в. употребление понятия «левые взгляды» стало носить произвольный характер, что, в конечном счете, привело к терминологическому хаосу в политической идентификации и существенным осложнениям в определении границ между «левой» и «правой» мыслью. Одни и те же течения на протяжении десятилетий именовались то «левыми», то «правыми». Крах советской модели социализма, подъем неолиберальной идеологии и движение системы международных политических отношений в сторону унилатерализма не только делегитимировали «левые ценности», но и содействовали углублению терминологических трудностей, подорвав научный интерес к «левой мысли». Впрочем, это отнюдь не

преуменьшает историческую значимость этого развивавшегося в течение двух столетий политико-философского направления, несомненно, сохранившего свой теоретический потенциал.

Иными словами, вокруг «левой мысли» возникло множество предубеждений и мифов. Научный анализ «левых взглядов» оказался существенно осложнен необходимостью абстрагирования как от бытового употребления этого термина, в большинстве случаев несущего эмоциональную нагрузку, так и от идеологических и апологетических тенденций, в связи с тем, что язык идеологии помимо того, что он далеко не всегда точен с описательной точки зрения, как правило, состоит из амбивалентных понятий, не лишенных оценочных коннотаций. В сложившихся обстоятельствах стало правомерно говорить если не о неудачности употребления терминов «правые» и «левые взгляды» в современных условиях и утрате ими своей классификационной ценности, то, по крайней мере, о необходимости их пересмотра перед лицом сложности и новизны терминологических проблем, в которых привычные понятия утратили статус абсолютных, а прежние разграничения перестали быть универсальными, превратившись лишь в один из способов систематики в политической науке.

Однако, несмотря на аморфность самого термина, объединившего весьма неоднородные течения политической мысли (анархизм, бланкизм, большевизм, социал-демократию, троцкизм и др.), попытка плюралистического синтеза имела под собой вполне определенную основу, явившуюся фундаментом сопоставления и до сих пор отличающую «левую политическую мысль» от иных течений. Отсутствие однозначного определения для столь семантически широкого понятия, как «левые взгляды» вовсе не означает того, что этот спектр политической мысли вообще не имеет идеологических рамок. Доказательством тому может послужить хотя бы тот факт, что существуют политические течения (например, монархисты или нацисты), которые (даже в случае их апелляции к социалистическим ценностям) никоим образом не соотносимы с «левыми».

Как представляется, именно полиморфность понятия «левые взгляды» должна служить стимулом для научного исследования соответствующего идейного направления. В универсуме, где противопоставленные части (в данном случае «правые» и «левые») взаимозависимы, в том смысле, что одна существует, только если существует вторая, для их научного анализа представляется возможным подход, основанный не на противопоставлении антагонистических элементов, а на поиске критериев, позволяющих идентифицировать своеобразие каждого из них. Приведенная ниже схема, не являясь исчерпывающей для определения широкого комплекса философских, социологических, экономических и политических теорий, может указать на основные отличия «левого» политического направления от «правых» и «центристских» установок. Кроме того, эта схема поможет избежать возможных понятийно-терминологических неясностей в настоящем исследовании.

Вариативность содержания «левых взглядов» не исключает того, что они могут быть классифицированы как единая традиция, включающая в себя:

- *идею социального равенства*. Дифференциация в обществе в отдельные периоды времени приобретала различные очертания. Это послужило причиной поиска альтернативных форм общественных отношений, при которых неравенство и социальная ущемленность были бы сведены до минимума;

- *идею общественного контроля над экономической и политической жизнью*, дающего возможность реализовать юридическое, политическое и социальное равноправие индивидов;

- *критику существующих форм политического правления, в первую очередь – государства, зачастую отрицание позитивной роли этого института. Самоуправление и автономия* как альтернативу политической гетеронмии.

- *ориентацию на революцию*. В условиях жесткого сопротивления правящего меньшинства, сделавшего государственное насилие легитимным, большинство «левых» рассматривали революционные действия как единственный выход из сложившейся ситуации. В то же время

значительная часть «левых» предпочитала неревolutionонные формы воздействия на правящие институты;

- *негативное отношение к капиталу и частной собственности, в первую очередь – на средства производства.* Перераспределение материальных благ зачастую – необходимое условие реализации «левых» политических концепций. Политическая стабильность в «левой» системе координат возможна благодаря социальному равновесию, равному доступу индивидов к общественным благам;

- *ориентацию на индивидуальную и коллективную свободу,* понимаемую как право личности на выбор любых форм поведения, не составляющих угрозы социальному равноправию;

- перенесение социального равенства и на межнациональные отношения, недопустимость принципа избранности и элитарности одних наций по отношению к другим. *Неприятие расизма и колониализма* неизменно оставалось отличительной чертой философии «левых»;

- *критику наемного труда* как главного препятствия на пути к социальному равенству. Вместе с тем, в борьбе за улучшение условий существования наемной рабочей силы значительная часть «левых» стала признавать позитивную роль государственных институтов. В связи с этим зачастую стали отождествляться такие понятия, как обобществление и национализация, общественная и государственная собственность. В XX столетии это обусловило бурный рост влияния государства и стало одним из основных противоречий внутри «левого» лагеря, сохранившимся и после краха СССР и серьезной дискредитации патерналистско-бюрократической системы управления.

Конечно, эта схема не претендует на перечисление всех «левых ценностей» и не выступает в качестве универсального средства определения принадлежности тех или иных теоретических построений к «левым». Типологическое упорядочение многообразия «левых взглядов» в некоей искусственно однородной плоскости абстрактно конструируемых понятий едва ли правомерно. Однако включенные в схему критерии являются необходимым, хотя и не исчерпывающим, условием для определения «левого» спектра взглядов. Некоторые из пунктов этой схемы нельзя рассматривать в отдельности от общего контекста, например, революционность и радикальная оппозиционность зачастую были (и остаются) присущи и «правым» партиям, а интернационализм не был отличительной чертой многих «левых» течений. Поэтому одного критерия явно недостаточно для определения принадлежности к «левой» политической традиции – именно их взаимоотношенность и взаимообосновывающая значимость становятся единым кругом проблем. Тем не менее, включенные в схему параметры выступают в качестве системообразующих, а сама она представляет собой своеобразный отправной пункт для анализа «левой мысли» и позволит осуществить верификацию теоретических положений концепции «ливийского народовластия» в спектре «левых взглядов».

Несмотря на то, что политические доктрины «левых» Европы и России, заметно отличаются своей философской культурой от джамахирийской идеологической продукции, этот анализ представляется правомерным при учете как ливийского контекста (создавая свою концепцию М. Каддафи, несомненно, принимал во внимание особенности политической культуры и эрудиции местного населения), так и общего состояния «левой мысли» во второй половине XX в., когда большинство теорий стремительно эволюционировали к набору пропагандистских лозунгов, а соответствующий комплекс ценностных ориентаций уже начинал подвергаться эрозии.

Вместе с тем, с точки зрения региональных проявлений соответствующего пласта политической мысли, возникает необходимость определения и сугубо ливийских терминов. Это касается, в частности, таких понятий, как *концепция «ливийского народовластия»*, *«третья мировая теория»*, *джамахирийская идеология*, *социально-политическая концепция М. Каддафи*, *теория «прямой демократии»*. Разумеется, они не идентичны семантически, но в дальнейшем будут, тем не менее, использоваться как синонимические. Во-первых, это мотивиро-

вано тем, что они выступали как взаимозаменяемые не только в отечественной и зарубежной историографии по Ливии, но и в официальных пропагандистских изданиях Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии (СНЛАД). Во-вторых (что более важно), по отношению к концепции М. Каддафи понятия *теория* и *идеология* представляется правомерным рассматривать как семантически тождественные, в связи с тем, что термин «ливийское народовластие» был теоретически оформлен и впервые введен в употребление правящей элитой Ливии.

Появление «левых взглядов» в Ливии, имевшее своими причинами сложный комплекс проблем социального, политического и идеологического характера, и дальнейшая адаптация социалистических лозунгов к конкретным мероприятиям по политической модернизации все еще остаются недостаточно изученными как в отечественном, так и в зарубежном востоковедении. Рассмотрение официальной идеологии СНЛАД в контексте «левой традиции» долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. В современной арабистической литературе, посвященной как страноведению, так и общетеоретической тематике, вопросы эволюции политических взглядов М. Каддафи нередко изучались в отрыве от «мирового» контекста. Попытка проследить процесс теоретического развития воззрений ливийского лидера в их историческом контексте на фоне идейной эволюции «левых» интеллектуалов Европы и России потребовала обращения к широкому кругу источников и научной литературы.

Источники, использованные в работе, подразделяются на две категории в соответствии с двумя основными направлениями исследования: труды европейских, русских, арабских «левых» теоретиков (а также политические документы, связанные с деятельностью «левых»), с одной стороны, и ливийские идеологические издания – с другой.

Исследование первого круга проблем потребовало обращения к работам как классиков «левой мысли», так и к сочинениям второй половины XX в., а также – к опубликованным материалам ряда партий и организаций. Однако необходимо отметить, что обширный теоретический материал, составивший первую категорию источников, представляет собой сложный ансамбль работ и документов, который, при всей своей грандиозности, фрагментарен, мало систематизирован, с трудом складывается в общую картину и в значительной степени незнаком читателю.

Некоторая часть источников содержится в опубликованных антологиях текстов и сборниках документов и материалов – «Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935»; «Антология современного анархизма и левого радикализма»; «Документы коммунистических и рабочих партий стран Ближнего Востока и Северной Африки»; «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый» и пр.². В то же время основной пласт источников, представляющих первую категорию, составили сочинения европейских и русских «левых» теоретиков: М.А. Бакунина, К. Каутского, П.А. Кропоткина, В.И. Ленина, Г. Лукача, К. Маркса, П.Ж. Прудона, Ж.П. Сартра, Л.Д. Троцкого и др. Среди арабской «левой традиции» представляется необходимым выделить работы М. Афляка и Г.А. Насера.

Заключения и выводы, содержащиеся в этих сочинениях, оказали несомненное содействие в разработке методологической базы и понятийно-категориального аппарата, а также в постановке проблемы в общетеоретическом плане. Кроме того, работы «левых» идеологов во многом способствовали воссозданию истории философского и практического становления соответствующего спектра взглядов, а также определению основных векторов эволюции этих идей в XIX–XX вв.

Источники, составившие вторую категорию (идеологические издания СНЛАД), можно разделить на четыре группы.

² Здесь и далее см. Библиографию.

В первую и главную из них входят теоретические и художественные произведения М. Каддафи, а также его речи и интервью.

Тщательное изучение этих работ позволило осмыслить предпосылки появления «левых взглядов» в Ливии и выявить основные тенденции их трансформации в процессе оформления и упрочнения джамахирийской политической системы.

Наибольшую важность для анализа концепции «ливийского народовластия» представляет главный теоретический труд ливийского лидера – «Зеленая книга», без подробного критического разбора которого главные задачи предлагаемого исследования не могут быть решены. По существу, эту работу можно определить как идеологический шедевр: в трех частях небольшого по объему произведения, фактически, содержатся все основные установки и лозунги «ливийского народовластия», имевшие первостепенное значение для оформления джамахирийской политической системы и создавшие почву для организации масштабной кампании по мифологизации массового сознания. «Зеленую книгу» представляется правомерным рассматривать как пропагандистский труд, большинство положений которого подверглось многократной реинтерпретации с целью легитимации тех или иных политических шагов руководства СНЛАД.

Однако «Зеленая книга» не стала единственным идеологическим трудом ливийского лидера, представившим ценность для этого исследования. Анализ других произведений М. Каддафи: «Альтернатива капитализму и коммунизму. Решение проблем человечества», «История революции», «В поисках мира», «Я оппозиционер мирового масштаба», «Да здравствует государство обездоленных!», «Исратын. Белая книга» – позволяет проследить эволюцию его воззрений в менявшемся мировом политическом контексте, включая и инициированные им в конце 80-гг. XX в. и углубившиеся в начале XXI в. процессы либерализации в Ливии. Наиболее ярким примером этой идейной эволюции является последняя теоретическая работа ливийского лидера – «Исратын. Белая книга», в которой М. Каддафи предлагает умеренные методы урегулирования арабо-израильского противостояния.

Еще одним важным источником, представляющим исключительную ценность для исследования идеологии Ливийской Джамахирии, стал изданный в 1993 г. сборник художественных рассказов и эссе М. Каддафи «Деревня, деревня, земля, земля и самоубийство космонавта». Разумеется, при рассмотрении этих произведений главной целью стал не их литературоведческий анализ, а выявление облеченной в художественную форму идеологической «составляющей».

Значимое место в этой группе источников занимают сборники речей и интервью ливийского лидера, во многих из которых достаточно подробно изложены как теоретические воззрения М. Каддафи, так и конкретные программы по политической модернизации Ливии в соответствии с принципами «третьей мировой теории».

Вторая группа ливийских источников включает многочисленные комментарии к «Зеленой книге» и другим работам М. Каддафи, а также апологетические издания СНЛАД, программные и пропагандистские документы, наряду с трудами ливийского лидера составившие базу для оформления джамахирийской идеологической системы.

Среди программных документов, представляющих особый интерес для этой работы, следует выделить «Коммюнике № 1», «Манифест об учреждении народной власти» и «Великую зеленую декларацию прав человека в эпоху масс». Каждый из этих документов ознаменовал собой определенный этап в эволюции идеологического курса Ливии: соответственно республиканский, джамахирийский и либерализационный периоды.

Из всего массива пропагандистских публикаций СНЛАД на первое место следует поставить изданные в начале 70-х гг. XX в. ливийским министерством информации и культуры брошюры «Третья мировая теория: священная концепция ислама и народная революция в Ливии», «Принципы третьей мировой теории» и «Основные положения третьей теории, пред-

ставленные председателем Совета революционного командования полковником Муаммаром Каддафи». Эти брошюры до появления «Зеленой книги» оставались главными идеологическими документами страны.

Большую важность для исследования представили и более поздние издания, такие как трехтомник комментариев к «Зеленой книге» и «Джамахирийский словарь терминов к третьей мировой теории», явившиеся важным идеологическим дополнением к работам М. Каддафи. Основной целью этих изданий стало придание концепции «ливийского народовластия» вида законченной, иерархически стройной доктрины. Эти работы носят сугубо апологетический характер, рассчитаны в первую очередь на потребление внутри страны и рассматриваются в исследовании как элемент ливийского идеологического механизма.

Вопрос о базе источников отнюдь не исчерпывается лишь теми среди них, которые были перечислены выше. В эту же группу источников представляется правомерным включить материалы, издаваемые в Триполи Всемирным центром изучения и исследования «Зеленой книги». Нередко преподносимые в качестве исследований эти работы, по существу, представляют собой прямое продолжение комментариев к «третьей мировой теории» и являются неотъемлемой частью джамахирийской пропагандистской индустрии. Оценка в них тех или иных событий и явлений общественно-политической жизни дается исключительно с позиций официальных властей и далеко не всегда беспристрастна, но вместе с тем, игнорирование этого пласта источников не позволит получить полного и объективного представления об идеологических механизмах «ливийского народовластия». В связи с тем, что исследований не апологетического характера, в которых политическая ангажированность и тенденциозность не главенствуют над отстраненным концептуальным осмыслением «третьей мировой теории», внутри страны не издается, то все работы, посвященные джамахирийской идеологии, опубликованные в Ливии, автоматически оказались зачислены в категорию источников данного исследования.

Вместе с тем, игнорируя присутствующую в этих работах порцию официальной апологетики, можно обнаружить идеологические тенденции, представляющие чрезвычайный интерес для предлагаемого исследования. В этой связи среди трудов, публикуемых Всемирным центром изучения и исследования «Зеленой книги», необходимо особо отметить три работы. Это сборник статей «Теория и действительность», представляющий собой материалы конференции «Марксизм и Зеленая книга», состоявшейся в Париже в 1984 г.; монография У. Ат-Тахира «Каддафи и Французская революция 1789–1969»; а также брошюра М.Л. Фархата «Социализм. Исследование экономической системы». Эти работы, несмотря на заявленные в заглавиях темы, практически не отличает стремление к серьезному сравнительному анализу, а воззрения М. Каддафи в них излагаются как бы «параллельно» с взглядами других теоретиков. В большей степени их целью является представление «третьей мировой теории» как самобытной социальнополитической доктрины, занимающей значимое место в мировой философской традиции, стремление поставить имя М. Каддафи рядом с именами Г. Бабефа, В.И. Ленина, Р. Люксембург, К. Маркса, П.Ж. Прудона. Разумеется, в большинстве случаев значение «третьей мировой теории» в мировой политико-философской традиции крайне гиперболизировано, однако это «самовключение» в мировую «левую мысль» представляет исключительный интерес для настоящего исследования.

Исследование проводилось и на основе анализа содержания газет и журналов, в разные годы издававшихся в Ливии и составивших третью группу источников. Кроме того, исследование затронуло и такие сегменты информационного пространства Ливии, как сеть Интернет и пресс-релизы народного бюро (посольства) СНЛАД в Москве. Среди ливийских официальных сайтов наибольший интерес представили <http://www.algathafi.org>, <http://www.greenbookstudies.com> и <http://www.qadhafi.org>, на которых опубликованы многочисленные статьи и выступления М. Каддафи.

Анализ социально-политической концепции М. Каддафи в контексте «левой традиции», разумеется, потребовал обращения и к самому обширному и разноплановому кругу научной литературы.

Изучение идеологии «ливийского народовластия» вряд ли оказалось бы продуктивным без предварительного ознакомления с фундаментальными исследованиями, посвященными глобальным политологическим и социологическим вопросам. В этой связи в общетеоретическом плане для написания ряда разделов весьма полезными оказались выводы таких социологов, как М. Вебер, Э. Гелнер, А.А. Зиновьев, К. Манхейм, работы которых оказали ощутимое влияние на осмысление магистральных тенденций мифологизации общественного сознания в XX в.

Необходимость решения ключевых задач предлагаемого исследования потребовала проанализировать широкий круг работ, в которых изучались вопросы генезиса, становления и развития европейской и русской «левой мысли». Историография, посвященная этим проблемам обширна и многогранна. В то же время информация о «левых взглядах» зачастую подвержена существенным искажениям. Изобилие расходящихся точек зрения, а также многочисленные попытки реализации теорий на практике не давали «левым» идеологам возможности сконцентрироваться на всеобъемлющем исследовании спектра «левых взглядов». Отдельные попытки предпринимались П.А. Кропоткиным, Г. Лукачем, К. Марксом, Г.В. Плехановым, но они не были в полной мере реализованы и, что более важно, далеко не всегда были лишены апологетических обертонов. Это в полной мере отразилось и на историографии данного вопроса: в настоящее время существует множество узконаправленных работ по отдельным течениям «левой мысли», но фактически отсутствуют попытки анализа этого политического спектра в совокупности.

Среди относительно удачных опытов систематизации «левой мысли» в рамках научного исследования можно отметить такие коллективные монографии и сборники статей как «Левые в Европе XX века. Люди и идеи»; «Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы»; «От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии)», во многом содействовавшие оформлению понятийного аппарата этого исследования. Вместе с тем, и эти работы нельзя назвать полномасштабными исследованиями «левой мысли», поскольку в них анализируются конкретные пространственно-временные срезы процесса эволюции соответствующего спектра взглядов, не рассматривающегося во всем его историческом и идеологическом своеобразии.

Ощущение того, что научное исследование «левой мысли» как целостного спектра воззрений находится еще в начальной стадии, во многом определило и характер предлагаемой работы. В этой связи, анализ основных тенденций развития «левой мысли» проводился преимущественно с опорой на источники, а также узко специализированные исследования, в которых общие направления эволюции этого спектра взглядов рассматривались лишь фрагментарно.

Важной предпосылкой раскрытия избранной темы стал теоретический анализ специфики общественной трансформации в арабских странах, изучение региональных идеологических моделей и схем социально-политического устройства. В рамках этой работы оказалось необходимым обращение к трудам отечественных востоковедов, в которых рассматриваются общие проблемы социальнополитического развития региона в постколониальную эпоху. Для формирования понятийного аппарата и исследования подходов к изучению тенденций развития арабской общественно-политической мысли определенный интерес представили работы, в которых затронуты многие вопросы, смежные с тематикой данного исследования. Особое место в выработке методологического подхода к исследованию принадлежит фундаментальным трудам советских и российских востоковедов Н.А. Иванова, Л.Н. Котлова, Р.Г. Ланды, З.И. Левина, Н.А. Симонии. Содержащиеся в их работах обобщающие положения, суждения

концептуального характера и конкретные оценки послужили важными ориентирами при изучении социально-политических, культурных и идеологических реалий Ливии.

Период новейшей истории Ливии был достаточно глубоко изучен в отечественной и зарубежной литературе. Работами, представляющими важность для осмысления политической истории Ливии в XX в., являются исследования отечественных востоковедов Ф.А. Асадуллина, В.Л. Лаврентьева, Г.В. Мироновой, Н.И. Прошина, Г.И. Смирновой, С.А. Товмасыана. Из обобщающих трудов по истории Ливии, касающихся рассматриваемого периода, выделяются монографии А.З. Егорина «История Ливии. XX век», «Ливийская революция» и «Современная Ливия». В этих фундаментальных трудах, отличающихся объемным видением эпохи и имеющих солидную источниковую базу, подробно анализируются социально-экономические и политические изменения в Ливии после революции 1969 г.

Большой интерес представили и работы западных востоковедов – Дж. Бирмана, Д. Бланди и А. Лайсетта, Р. Ферст, Л. Харрис, Э.Э. Эванса-Причарда, посвященные анализу как джамахирийских преобразований, так и изучению более ранних этапов ливийской политической истории. Западная литература о Ливии, будучи наиболее многочисленной и значительной, в то же время очень разнообразна по политической направленности и реальному вкладу в изучение страны.

В процессе критического изучения отечественной и западной историографии обращает на себя внимание теоретический плюрализм в научных изысканиях, обусловивший широкую палитру авторских позиций и мировоззренческих оценок. Однако вопросы идеологии в этих работах зачастую затронуты лишь фрагментарно, а основной акцент делается на политической, экономической и культурной модернизации Ливии в XX в.

Тем не менее, среди трудов отечественных арабистов первостепенную важность для этой работы представили те из них, проблематика которых оказалась тесно связана с заявленной темой. Анализ джамахирийской идеологии стал объектом исследования диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук А.В. Германовича «Влияние научного социализма и традиционного мировоззрения на эволюцию социалистических концепций революционной демократии в арабских странах (на примере насеровского Египта, Ливии и Южного Йемена)» и А.Б. Подцероба «Третья мировая теория» М. Каддафи и попытки ее претворения в жизнь». Кроме того, необходимо выделить монографию «Третья всемирная теория М. Каддафи и практика политического и социально-экономического развития Ливии», написанную В.В. Вавиловым и В.Ю. Кукушкиным, а также работу А.Н. Козырина «Джамахирийская политическая концепция и государственный механизм Ливии». Многие факты, замечания и выводы, приведенные в этих исследованиях, способствовали осмыслению логики внутривнутриполитических шагов ливийской элиты и были учтены при анализе концепции М. Каддафи. Вместе с тем, эти работы преимущественно посвящены не динамике развития идеологического курса М. Каддафи, а джамахирийской практике, опиравшейся на лозунги «Зеленой книги», тогда как анализ идеологии ведется в них в рамках советской научной традиции. Разумеется, подобный подход исключил попытки рассмотреть джамахирийскую идеологию в контексте «левой традиции». В этой связи представляется правомерным рассматривать эти исследования скорее как один из этапов отечественного осмысления ливийской проблематики.

Социально-политическая концепция М. Каддафи выступала в качестве объекта внимания и в более широких исследованиях, таких как «В поисках альтернативы. Арабские концепции путей развития» А.В. Малашенко, «Восток: идеи и идеологи» Л.Р. Полонской и А.Х. Вафы, «Мусульманские концепции в философии и политике (XIX–XX вв.)» М.Т. Степанянц. «Третья мировая теория» рассматривается в этих исследованиях в рамках арабской традиции, а истоки идеологии «народовластия» авторы видят в исламе, а также в племенной организации ливийского общества. Многие выводы, приведенные в этих работах, были учтены при написании настоящего исследования, но, вместе с тем, анализ концепции «ливийского народо-

власть» исключительно в контексте арабоисламской традиции не представляется правомерным, так как способствует складыванию стереотипа о М. Каддафи как о теоретике «исламского социализма».

Из литературы, изданной на Западе, для написания этого исследования наибольший интерес представляют такие работы, как «Ислам и третья мировая теория: религиозные воззрения Муаммара Каддафи» М.М. Айюба, «Ливийская революция: теория и практика» М. Звед-Кузинса, «Власть и концепция ливийской революции» Р. амбора, «Каддафи: теория и практика» М. Аль-Хавазы. В этих работах достойное освещение получили как многие аспекты «третьей мировой теории», так и политические процессы, происходившие в Ливии после революции 1969 г. Вместе с тем, эти исследования характеризует нарративный подход, абсолютизация конкретности и повествовательности, отсутствие стремления к генерализации, концептуальным обобщениям и компаративизму. Концепция М. Каддафи не рассматривается в спектре «левой» политикофилософской традиции, а анализируется исключительно в контексте арабо-исламской культуры. Кроме того, большинство этих работ были написаны в эпоху противостояния двух глобальных идеологических блоков, что отразилось на многих выводах и заключениях, не свободных от политической конъюнктуры. С учетом этой тенденции многие работы, опубликованные на Западе, требуют внимательного критического прочтения. Вместе с тем, они содержат значительное количество фактов и информации, оказавшейся полезной для этого исследования.

Особого внимания заслуживают статьи западного исследователя арабского происхождения С.Г. Хаджара, которые отличает стремление сопоставить «третью мировую теорию» с иными политическими концепциями, а именно: доктринами К. Маркса и Ж.Ж. Руссо. С.Г. Хаджар приходит к выводу, что многие положения «третьей мировой теории» не оригинальны, а являются реинтерпретацией более ранних политических учений. Эти заключения представляют несомненный интерес для настоящего исследования, но, вместе с тем, необходимо отметить, что работы С.Г. Хаджара также отличает узкоспециализированная тематика, сопоставление лишь отдельных положений «Зеленой книги» с тезисами европейских философов, отсутствие комплексного подхода к проблеме становления джамахирийской идеологии.

К настоящему времени изучение идеологических и политических процессов в Ливии второй половины XX в. достигло в российской и мировой ориенталистике довольно высокого уровня. Фактический материал и аналитические выводы, содержащиеся в вышеперечисленных работах отечественных и зарубежных исследователей, значительно расширяют представления о тенденциях общественно-политического развития Ливии после 1969 г. и особенностях влияния идеологии «ливийского народовластия» на модернизационные процессы. В силу этого изучение и систематизация данных научной литературы оказали большую помощь для осмысления идейной эволюции воззрений М. Каддафи.

Вместе с тем, концентрация внимания большинства ученых, работающих на ливийском материале, на социально-экономических преобразованиях в СНЛАД и акцент на практической стороне модернизационных программ вызвали необходимость углубленного изучения трансформации идеологических установок «ливийского народовластия» в процессе становления и укрепления джамахирийской политической системы. Такие два аспекта, как концепция М. Каддафи и «левая традиция», практически не рассматривались в тесной взаимосвязи. Но между тем, лозунг приверженности «левым» ценностям десятки лет оставался важнейшим составным элементом официальной идеологии СНЛАД и активно использовался ливийским руководством в процессе созидания многоярусной и дифференцированной в функциональном отношении системы политических институтов Джамахирии. Радикальные перемены в идеологическом курсе, фактически предопределившие отказ от «левых» лозунгов, произошли лишь в 2003 г., ставшем верхним хронологическим пределом для истории оформления «левого спектра» в каддафиевской Джамахирии. Поэтому многоаспектное исследование официальной

идеологии СНЛАД, в фундамент которой были заложены положения «третьей мировой теории» М. Каддафи, изучение реальных механизмов джамахирийской политической системы, а также выявление основных тенденций исторической трансформации спектра «левых взглядов» могут создать условия для всестороннего понимания особенностей эволюции идеологических доктрин и позволяют уяснить ряд фундаментальных закономерностей политического развития в XX в.

Глава 1

«Левые взгляды» в политико-философских доктринах XIX–XX вв.: генезис, эволюция, делегитимация

Спектр «левых взглядов» разнообразен и многовариантен: идеи, доктрины и концепции, объединенные этим направлением мысли, возникали в разные исторические эпохи и в самых несхожих средах. Но и причины генерации «левых взглядов» также были многообразны, варьируясь в зависимости от социально-политического контекста. Необозримая на первый взгляд многозначность самого понятия создает масштабное полотно, на котором совершенно разные стадии в истории значения этого термина предстают в сложном взаимопереплетении. Роль идеологической «матрицы» в развитии «левой мысли», благодаря которой соответствующие теории и возможности ориентации сохранили свое значение, безусловно, сыграла Западная Европа. Однако очевидно, что «левые взгляды» появились в определенных исторических условиях на основе интеллектуального наследия предшествующих эпох и развивались по специфическим законам, которые, тем не менее, не могли стать универсальными в общепланетарном масштабе. Поэтому, по мере распространения «левых идей», стала четко вырисовываться тенденция к их национальной трансформации. Со временем становилось все труднее говорить о «левой» политико-философской традиции без привязки к какому-то конкретному месту и времени.

Пространственно-временная относительность ряда категорий, углубив внутреннюю неоднородность «левых сил», сохранила, тем не менее, теоретическую обособленность «левой мысли» от консервативных и либеральных воззрений. Вместе с тем, восприятие «левых взглядов» как единой традиции не снимает необходимости дифференцированной оценки различных направлений этого пласта политической мысли. В этом исследовании, во многом направленном и на выявление исторического непостоянства категорий и терминов, составлявших понятийный аппарат «левых», речь не идет о полном охвате проблем, связанных со становлением и эволюцией соответствующего пласта мысли. Главной целью этой работы является расстановка смысловых акцентов – исследование магистральных, не нарушенных историческим и геополитическим контекстом тенденций развития этих социальных доктрин, и выявление наиболее значимых направлений «левого спектра».

Приоритетное внимание в этом исследовании уделяется процессу эволюции теоретических установок «левых» идеологов, но вместе с тем в отрыве от практической деятельности тех или иных представителей «левого движения» отдельные стороны их теорий не могут быть освещены, так как некоторые идеологи были в большей степени практиками, чем теоретиками. Кроме того, «левые взгляды» получили широкое распространение именно благодаря активным попыткам реализации социалистических установок на практике, а менявшийся социально-политический контекст постоянно вносил серьезные коррективы в теоретические установки, порой радикально трансформируя их. Мышление и бытие в доктринах «левых» теоретиков не просто отображали друг друга, а представляли собой моменты одного и того же реального исторического процесса. Поэтому для осмысления диалектики развития «левых взглядов» представляется важным уделить внимание в первую очередь политическому и идеологическому аспектам этой эволюции, а не концептуальному анализу сочинений «левых» теоретиков.

Тем не менее, формулировка и систематизация теоретических представлений «левых» принадлежала, как правило, отдельным личностям. В этой работе отбор тех или иных теоретиков (так же, как и выбор тех или иных событий политической истории), хотя и может выглядеть до некоторой степени произвольным, вместе с тем, позволит выявить основные тенденции

развития «левой мысли». Сразу хотелось бы оговориться, что этот анализ не лишен субъективизма в силу того, что в рамках заявленной темы представляется рациональным подробнее остановиться не на реформистских, а на революционных установках «левых» философов. Аналогичным образом и при исследовании тех или иных событий политической истории, в одном случае необходимо отразить тот или иной этап, ставший решающим моментом в развитии «левого движения», а в другом – фиксировать некие «маргинальные» явления, позволяющие более четко охарактеризовать глобальные вехи в эволюции «левой мысли» и реконструировать единство стилей мышления «левых» теоретиков.

Общее представление о «левой мысли» как о цельном идейном спектре может быть дано исключительно во временном потоке. Эволюция «левой мысли» – сложный, неоднозначный и противоречивый процесс, связанный с адаптацией теоретических установок к изменяющимся историческим условиям. В контексте этого исследования при анализе идейной эволюции «левого спектра» в Европе, России и на Арабском Востоке, несмотря на хронологическую форму изложения материала, основной интерес направлен, однако, не на освещение истории оформления соответствующего пласта мысли, а на иллюстрацию многовариантности воплощения этих идей, изучение прямого и опосредованного воздействия конкретных социально-политических изменений на теоретические разработки «левых» и постоянной взаимосвязи фундаментальных проблем «левой философии» с тем бытийным основанием, которое определяло ее ключевые вопросы.

1. «Левые взгляды» в европейской философской традиции: становление и развитие

Точкой отсчета разделения политических взглядов на «правые» и «левые» принято считать годы, непосредственно предшествовавшие Французской революции. Эти термины первоначально имели буквальный смысл. В Генеральных штатах, созданных в 1789 г., на левых от короля скамьях сидели представители третьего сословия – сторонники социальной реорганизации, а справа – монархисты. Тот же принцип сохранился и на заседаниях Конвента времен Французской революции, где левую сторону занимали приверженцы социального равенства. В дальнейшем эта тенденция к поляризации взглядов стала все больше прослеживаться в политической мысли: различные стили мышления развивались в центробежных направлениях. Со временем *левыми* стали именовать социалистов, противников частной собственности и сторонников радикального преобразования государственного устройства, а *правыми* – консерваторов, ревнителей традиций абсолютистского государства. В *центре* же оказались либералы – поборники частной собственности и парламентской демократии.

Для осмысления факта оформления «левых взглядов» необходим и анализ исторического контекста их появления и развития. К началу XIX в. политико-правовые доктрины либерализма, базировавшиеся на наследии французского просвещения, стали утрачивать свой революционный пафос. Сложившиеся в противоборстве с консервативным мировоззрением, эти убеждения, опиравшиеся на политэкономия классической школы, сформировали новые властвующие элиты, новое политическое сознание, постепенно вырождавшееся в либеральный консерватизм. Этическое обоснование необходимости реализации либеральных взглядов, все больше вытеснялось политическим прагматизмом и принципами экономической эффективности. Период начала XIX в. отличался существенными изменениями в экономическом развитии европейских стран, инициировавшими формирование индустриального общества, переворот в промышленности, и как следствие – урбанизацию и внедрение наемного труда, вызвавшие радикальные общественные преобразования. Развитие рыночных отношений разрушало формировавшиеся на протяжении столетий традиционные социально-политические институты, в первую очередь, сельскую общину.

Политические теории «левых» возникли как резкое неприятие доктрин либерализма, рассматривавшегося, прежде всего, в качестве основной идеологической составляющей формировавшейся капиталистической системы. Взгляды либералов и их реализация в политике колониализма и индустриализации стали подвергаться жесткой критике со стороны приверженцев зарождавшейся «левой мысли», провозгласивших социальное равенство и интернационализм. В итоге возникли новые модели политического устройства, предлагавшие иные пути политической модернизации. Французская революция дала резкий импульс этим воззрениям, а идеи, в дальнейшем составившие фундамент «левых ценностей», были впервые озвучены. Родиной «левой мысли» принято считать Францию, однако в первой половине XIX в. эти идеи за несколько десятков лет сумели распространиться по всей Европе.

Начало нового столетия характеризовалось попыткой объяснить вселенную и все явления мира при помощи естественнонаучного метода. Это была эпоха расцвета точных наук, рождения нового мировоззрения. В европейской философии также происходила переоценка ценностей, рождались новые теории и целые школы, видоизменилась и проблематика художественной литературы. «Левая мысль» в собственном смысле этого словосочетания возникала как раз в этот исторический период, оформляясь в спектр взглядов, представленных в научных трактатах, философских и исторических трудах, публицистических статьях и художественных романах.

Попытка фиксировать в историческом потоке зарождение какого-либо направления мысли или политического движения всегда связана с риском и означает пренебрежение предшественниками этого движения. Действительно, предпосылки появления этих воззрений можно обнаружить в политическом радикализме Ж.Ж. Руссо, утопиях Т. Кампанеллы и Т. Мора, теоретических построениях Л.М. Дешана, Ж. Мелье, Морелли и др.³, но политико-философские модели социалистов XIX в., при всем многообразии их взглядов, существенно отличались от предшествовавших «протосоциалистических» концепций по своей методологии, содержанию и программным требованиям. Это были первые попытки создания цельных доктрин и общественных систем из разрозненных социалистических идей. Да и само слово «социализм» (от лат. *социус* – общественный) вошло в употребление в Европе только в начале XIX в.⁴ Стимулом к возникновению этих теорий было резкое имущественное расслоение общества и ухудшение положения наемных рабочих в результате промышленного переворота, экономических кризисов и безработицы.

Оформление «левого спектра» европейской политической мысли в первой половине XIX в.: полемика с консерватизмом и либерализмом

Первыми попытками систематизации «левых взглядов» стали труды англичан У. Годвина, Р. Оуэна и французов А.К. Сен-Симона, Ш. Фурье. В своих работах эти теоретики подвергли критике современные им способы производства и распределения, форсированную индустриализацию и разрушение общинного землевладения. Политическая мысль этих теоретиков в целом характеризовалась стремлением, не уничтожая капиталистического строя, постепенно видоизменять его путем формирования ассоциаций, основанных на социалистических принципах, все они были сторонниками мирной пропаганды. В 40-е гг. XIX в. своеобразным «преемником» этого направления стал получивший распространение во Франции *легальный социализм*, одним из представителей которого выступил историк Л. Блан. В то же время следует назвать Г. Бабефа и О. Бланки, выступивших родоначальниками теории и практики *революционного заговора*, конспиративно-заговорщических форм подготовки государственного переворота с целью установления *революционной диктатуры*. Философами, подвергнувшими резкой критике и рыночную экономику, и государственный контроль над производством, стали теоретики *анархизма* француз П.Ж. Прудон и немец М. Штирнер.

При всем разнообразии «левых взглядов» первой половины XIX в. можно, тем не менее, выделить их очевидные общие черты. Подавляющее большинство мыслителей были социалистами и в той или иной форме порицали развивавшиеся капиталистические отношения и наемный труд, подвергая критике политэкономии классической школы (в первую очередь труды Д. Рикардо и А. Смита) и политико-правовые доктрины консерватизма и либерализма⁵. Многие придавали большое значение промышленному перевороту, однако, предлагая иные методы политической модернизации, подчеркивали, что внедрение машин в производство создало совершенно новое общество и подготовило условия перехода к строю коммун (ассоциаций), преобразования экономических отношений с целью уничтожения социальных противоречий и установления имущественного равенства (требование равенства переставало ограничиваться

³ Впрочем, ряд теоретиков (например, П.А. Кропоткин) считают, что «протолевые взгляды» формировались еще в древности, и их элементы можно обнаружить, в частности, у ряда древнегреческих и древнекитайских философов (см. *Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990*).

⁴ В 1834 г. христианский социалист П. Леру в противовес либеральному индивидуализму впервые употребил термин «социализм».

⁵ Однако «левые взгляды» неправомерно считать синонимом термина «социализм». Условно говоря, на этом историческом этапе все социалисты были «левыми», но не все «левые» считали себя социалистами (например – М. Штирнер, выдвигавший несоциалистические альтернативы либерализму).

областью политических прав). Теории Э. Кабэ, Р. Оуэна, П.Ж. Прудона и А.К. Сен-Симона были основаны на идее развития экономики, становления нового промышленного общества – общества производительных ассоциаций.

В этот исторический период появились принципы распределения благ по труду и по потребностям; идея бесклассового общества; определение роли пролетариата; тезис о необходимости децентрализации производства; принцип самоуправления; осуждение разобщенности наций и интернационализм – идеи в дальнейшем воспринятые большинством «левых» идеологов. В то же время у многих мыслителей стали заметны разные представления об идеалах и способах их достижения, и уже на этом этапе определились противоречивые, порой прямо противоположные взгляды.

Так, например, социалисты разделились на приверженцев мирных методов социально-политических преобразований и сторонников революции. Среди сторонников мирной пропаганды выделилось движение, в дальнейшем получившее название *реформизма*, выступившее за государственные реформы, осуществляемые правительством, в качестве единственного средства на пути построения социалистического общества. Это направление получило широкую поддержку и одновременно подверглось нападкам со стороны многих «левых». «Можно ли бессмыслицу реформировать так, чтобы она обрела смысл или следует просто отказаться от нее?»⁶ – этот тезис М. Штирнера предвосхитил многие разногласия в «левом лагере». В этот же исторический период прослеживалось четкое разделение на государственников и анархистов, и, как следствие этого, на централистов и федералистов, разделение так и не нашедшее компромисса за всю историю развития «левой мысли».

Не проявлялось единства и в вопросах, касавшихся религии. Одни философы видели в религии исходные положения этики и морали и отводили ей значительную роль в формировании нового общества (появились *христианские социалисты*. Ф.Ж. Бюше, Ф.Р. Ламенне и П. Леру), другие считали ее неотъемлемым атрибутом реакции и помехой научному прогрессу. Вопрос о собственности на этом историческом этапе также не оказывался решенным. Многие выступали за отмену лишь крупных форм частной собственности и за имущественное равенство (А.К. Сен-Симон, П.Ж. Прудон), а некоторые вообще не подвергали критике институт собственности (Ш. Фурье, М. Штирнер).

Позднее К. Маркс объединил большинство этих философов в одну группу, назвав их учения «утопическим социализмом». Не в последнюю очередь К. Марксу это требовалось для легитимации собственной концепции, которую он представил как «научный социализм». Тем не менее, во всем «левом движении» начала XIX в. твердо обозначилась тенденция поиска закономерностей общественного развития, научного осмысления промышленного переворота и стремления создать социальную науку, более того, можно с уверенностью сказать, что научные основы социализма были заложены именно в этот исторический период⁷.

Что действительно отличало этих мыслителей от последующих идеологов «левого движения» – это то, что они даже в теории не указывали на необходимость создания массовой организации для противостояния капитализму. Вместе с тем, взаимовлияние теории и практики уже на этапе становления «левых» доктрин становилось определяющим для оформления соответствующего комплекса взглядов. Поэтому «левые взгляды», выкристаллизовываясь в среде интеллектуальной элиты, уже в этот период неизбежно начали получать определенный общественный резонанс и утрачивали свой «эзотерический» характер. Число социальных слоев, из которых рекрутировались носители «левых взглядов», стремительно росло, и эти идеи оказывали непосредственное воздействие на зарождение рабочего движения в Европе начала XIX в.

⁶ Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб., 2001, с. 279.

⁷ Например, А.К. Сен-Симона, рассматривавшего прогресс науки как движущую силу исторического развития, принято считать одним из основоположников сциентизма, а П.Ж. Прудон еще до появления марксизма определял свое учение термином «научный социализм» (см. Прудон П.Ж. Что такое собственность? М., 1998, с. 194).

«Левые взгляды» во второй половине XIX в.: взаимодействие теории и практики

Европейская «левая мысль» второй половины XIX в. характеризовалась стремлением ее идеологов создать политические теории, максимально приспособленные для эффективной реализации на практике. В этот период развитие промышленного капитализма вело к росту численности и организованности класса наемных рабочих. Ряд влиятельных публицистов и теоретиков притязали на выражение и защиту интересов этого класса; на основе этих притязаний складывались доктрины, программная часть которых предусматривала коренное изменение общественного устройства; пролетариат в доктринах европейских «левых» постепенно превращался в основного субъекта революционного процесса; в связи с развитием рабочего движения по всей Европе зазвучали призывы к созданию массовой политической организации. Одним из первых с такими идеями выступил Ф. Лассаль, родоначальник германской *социал-демократии*, создавший в 1863 г. «Всеобщий германский рабочий союз».

В 40-е гг. XIX в. в Европе широко распространилась философия Г. Гегеля, последователи которого разделились на «правых» и «левых» гегельянцев. «Левые» видели центр учения этого философа в изменчивости форм общественной жизни, что подтверждало их революционные взгляды и восприятие современной им эпохи как отживающей. Среди «левых» гегельянцев можно выделить в первую очередь Б. Бауэра, К. Маркса, М. Штирнера, Ф. Энгельса.

Особую нишу в «левой» философской традиции, несомненно, заняли труды К. Маркса. Обозначив свою теорию термином *коммунизм*, он стал первым «левым» мыслителем, попытавшимся создать цельную идеологическую систему, объяснявшую развитие общественной жизни во всех ее проявлениях. Учение К. Маркса, представленное как «научный социализм», отличала попытка синтеза предшествовавших концепций и включения их в логически связанную доктрину. Основными положениями теории К. Маркса стали учение о смене общественно-экономических формаций и прогрессе – исторический материализм (переработанная теория Г. Гегеля о диалектическом развитии, перенесенная в сферу экономики и социологии); тезис о базисе (совокупности производственных отношений) и надстройке (совокупности идеологических отношений и взглядов); положения о классовой сущности государства и права, классовой борьбе и социальной революции, в результате которых одна общественно-экономическая формация сменяется другой, – социальная революция, по мнению К. Маркса, должна была произойти в момент, когда постоянно развивающиеся производительные силы придут в противоречие, в конфликт с устаревшей системой производственных отношений (базисом общества). Единственным способом разрешения противоречий между растущими производительными силами и тормозящими их рост капиталистическими производственными отношениями, в соответствии с теорией К. Маркса, являлось выступление пролетариата – класса, который путем социальной революции должен захватить власть и при помощи своего авангарда установить временную форму государственности (диктатуру пролетариата), позволяющую осуществить переход от капитализма к социализму и коммунизму – строю, при котором должно произойти отмирание института государства.

К. Марксу принадлежал фундаментальный тезис о диалектическом взаимодействии теории и практики. Согласно учению К. Маркса, революционная теория могла представлять собой исключительно функцию становления. Тем самым, К. Маркс отказывался от точного определения цели: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразовываться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения поро-

дены имеющейся теперь налицо предпосылкой»⁸. К. Маркс стремился создать отличавшуюся исключительным динамизмом и действенностью теорию, которая могла бы быть наиболее эффективно осуществлена на практике⁹, поэтому, например, он считал, что многие средства борьбы с властью капитала могут оказаться успешными только в совокупности, и выступал как за легальные средства борьбы (захват рабочими партиями власти в парламенте), так и за нелегальные (социальную революцию).

Учение К. Маркса оказало колоссальное влияние на дальнейшее развитие «левой мысли», стало источником множества споров, средством укрепления авторитета и даже предметом политических обвинений. Марксистами стали называть себя самые разные представители социалистических взглядов, а принятие как легальных, так и нелегальных методов политической борьбы способствовало равному распространению теории К. Маркса и в среде радикалов, и в среде реформистов.

Радикальное неприятие иных концепций социализма и глубокие философские расхождения со многими «левыми» теоретиками не стали для К. Маркса (интернационалиста, убежденного в невозможности построения социализма в отдельно взятой стране) препятствием в попытках поиска компромисса с целью создания массового международного рабочего объединения. «Международное товарищество рабочих» (Первый Интернационал) – организация, основанная в 1864 г. в Лондоне, стала первым опытом коалиции «левых сил» Европы: анархистов, бланкистов, лассальянцев, марксистов, оуэнистов, сен-симонистов и др. Организация образовалась на федеративной основе, а ее «Манифест» был составлен К. Марксом. Первый Интернационал, несомненно, сыграл значительную роль в распространении «левых политических взглядов». Его секции возникли во многих странах и активно способствовали развитию массового рабочего движения во второй половине XIX в. Но в 1872 г. противоречия между сторонниками К. Маркса и М.А. Бакунина привели к расколу Первого Интернационала. М.А. Бакунин основал свой собственный антиавторитарный («анархистский») Интернационал, а «Международное товарищество рабочих» с 1872 г. фактически стало придерживаться марксистского политического курса и просуществовало до 1876 г. Бакунинский

Интернационал продолжал свою автономную деятельность до 1880 г. Распад «Международного товарищества рабочих» заложил «традицию» одновременного сосуществования нескольких массовых интернациональных «левых» организаций.

Разработку основных принципов *государственного социализма* продолжил Ф. Энгельс, ближайший сподвижник и соавтор К. Маркса. Однако Ф. Энгельс скорее стремился «достроить» марксизм, а не развить его: в первую очередь сделать диалектический материализм универсальным методом гносеологии и придать учению К. Маркса вид законченной идеологической концепции – «научного коммунизма» («единственного научного социализма, который когда-либо существовал»)¹⁰. В ряде своих произведений в строго систематизированной, зачастую тезисной форме теоретических обобщений он попытался изложить марксизм как цельное мировоззрение, что способствовало превращению этого учения в признанную политическую силу. При участии Ф. Энгельса, убежденного в необходимости социальных преобразований во всех странах Европы, в 1889 г. был создан Второй Интернационал. Борясь за гегемонию идеологии «научного коммунизма» и превращения его в официальную доктрину рабочих партий Европы, Ф. Энгельс предпринял немалые усилия для того, чтобы инициатива созыва международного конгресса оказалась в руках марксистов, в противовес анархистским и реформистским (соответственно крайне «левым» и крайне «правым») течениям социалистических сил.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. // Сочинения. Издание второе. М., 1958–1965, Т. 3, с. 34.

⁹ Это было четко сформулировано в одном из афоризмов в «Тезисах о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс К. Тезисы о Фейербахе. // Маркс К., Энгельс – ., Сочинения. Издание второе. М., 1958–1965, Т. 3, с. 4).

¹⁰ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1955, Т. 1, с. 605.

Однако реформистские установки в «левом движении» в конце XIX в. стали своеобразной тенденцией в эволюции взглядов ряда идеологов. Среди первых реформистов, помимо Л. Блана и Ф. Лассалья, можно выделить французского историка Ж. Жореса, с 1893 г. примкнувшего к группе умеренных социалистов. Одним из основных тезисов реформистов был принцип сотрудничества пролетариата с буржуазией, одобрителное отношение к вступлению социалистов в правительство¹¹. Несмотря на неприятие революционных установок, принадлежность реформистов к «левым» характеризовало негативное отношение к политике милитаризма и колониализма, а также серьезное внимание к проблемам социальной дифференциации, поощрение профсоюзов. Но фактически, в реформизме Жореса, в идее постепенной трансформации капитализма в социализм, прослеживался отход ряда социалистов от революционных принципов, развитый в концепциях *катедер-социализма*¹², *поссибилизма*¹³ и прочих теориях, приведших к эклектике «левых» установок с «центристскими» и «правыми».

В дальнейшем яркими представителями реформизма в европейском «левом движении» стали Э. Бернштейн и К. Каутский¹⁴. Э. Бернштейн выдвинул концепцию *ревизионизма*, а К. Каутский создал теорию ультраимпериализма. Эти доктрины сводились к доказательству неприемлемости революционных установок в новых исторических условиях модификации экономического развития капиталистической системы, в которых социализм мог быть осуществим лишь мирным путем постепенной и естественной трансформации политических институтов, а единственным средством реализации социалистических принципов призвано было стать всеобщее избирательное право и борьба за места в парламенте. Эти разновидности реформизма, стремившиеся приспособить «левые ценности» к существовавшим политическим условиям¹⁵, отличала от других умеренных теорий (лассальянства, социализма Ж. Жореса) опора на экономические принципы марксизма. Они не отказывались от ряда основополагающих тезисов К. Маркса, подчеркивая, что критикуют теорию изнутри, приспособлявая к новым экономическим условиям, в которых классовая борьба не исчезла, но приняла иные формы.

Такие черты оппортунистических течений как готовность к компромиссу с существующими политическими режимами и неприятие революционных методов вызвали серьезную полемику внутри «левого движения»¹⁶, но, несомненно, импонировали властвующим элитам Европы, которые расценили реформизм как наиболее адекватную существующим политическим системам разновидность «левых взглядов», к тому же вполне вписываемую в либеральную многопартийную систему, тем более что все теоретики реформизма апеллировали к тра-

¹¹ Первый случай такого рода – вступление А. Мильерана в правительство Р. Вальдека-Руссо, резко осужденное на конгрессе Второго Интернационала. Подобная деятельность в дальнейшем подвергалась жесткой критике со стороны революционно настроенных «левых» как *милльеранизм* и *министерализм*.

¹² *Катедер-социализм* (нем. *kathedersozialismus*, от *kathed* – кафедра) – реформистское направление, выступавшее за пропаганду социализма с университетских кафедр. Основные представители – Г. Шмоллер, Л. Брентано.

¹³ *Поссибилизм* – течение в международном социалистическом движении начала XX в., следовавшее политике «врастания» капитализма в социализм путем мирных реформ (политике возможного – от фр. *la politique des possibilités*). Основные теоретики – П. Брусс, Б. Малон.

¹⁴ На раннем этапе развития оппортунистических «левых» течений К. Каутский наряду с Г.В. Плехановым и Р. Люксембург являлся одним из наиболее серьезных критиков бернштейнианства, лишь позднее примкнув к Э. Бернштейну по ряду позиций и даже назвав его своим учителем.

¹⁵ Отсюда и термин *оппортунизм* – приспособленчество, соглашательство (фр. *opportunisme*, от лат. *opportunus* – выгодный, удобный).

¹⁶ Развернутой критике реформистские тенденции подвергла, в частности, Р. Люксембург, трактовавшая их как отход от «левых ценностей» и превращение социализма в разновидность либерализма: «Тот, кто высказывается за путь законодательных реформ вместо и в противоположность завоеванию политической власти и общественному перевороту, тот в действительности избирает не более спокойный, верный и медленный путь к той же цели, а избирает другую цель, вместо создания нового общественного порядка – только несуществующие изменения старого» (цит. по: *Левые в Европе XX века. Люди и идеи*. М., 2001, с. 74).

диционным либеральным ценностям, таким как избирательные права и парламентаризм¹⁷. В последующие годы оппортунистические лидеры начинали не только вступать в правительства, но и оказывать активную поддержку внешней государственной политике, в том числе и колониальной. Их позиция становилась все более «правой» (или, по крайней мере, все более эклектичной).

Реформизм стал одним из первых серьезных «прецедентов» трансформации «левых ценностей», когда конкретная практическая ситуация стала вносить серьезные коррективы в теоретические установки. Не в последнюю очередь это было связано с приобщением «левых» к властным функциям: становясь частью политической элиты, они неизбежно начинали руководствоваться логикой «правлящего класса».

Логическим итогом распространения принципов реформизма, совпавшего по времени с возрастающей популярностью идеологии большевизма стал раскол Второго Интернационала в 1914 г. Позднее, в 1919 г., большевиками (во главе с В.И. Лениным) был создан Третий (Коммунистический) Интернационал (просуществовавший до 1943 г.), а социал-демократы (во главе с К. Каутским и Э. Бернштейном) создали Бернский Интернационал, который в 1923 г. слился с объединявшим «центристские» социалистические партии Европы Венским (2 1/2-ым) Интернационалом, образовав Социалистический рабочий Интернационал, просуществовавший до начала второй мировой войны. С этого момента начиналась эпоха одновременного сосуществования большого количества «Интернационалов», каждый из которых притягивал на роль «хранителя огня» в «левой традиции».

Организационно конкретизировав свои теоретические позиции, представители «левых» течений превращались в политических противников, и если раньше предметом дискуссий и взаимных инвектив были в первую очередь философские и методологические вопросы, то теперь на первый план идейной борьбы выходили тактические и организационные проблемы. «Левые взгляды» утрачивали свой сугубо теоретический характер и становились идеологической основой партийных программ. Причем каждое течение не только предлагало вариант решения конкретных социально-экономических проблем, но и в той или иной степени притягивало на истинность именно своей версии, подчеркивая одновременно как ее актуальность и обусловленность соответствующему историческому этапу, так и максимальную аутентичность в рамках «левой традиции». По существу, этот конфликт стал формой борьбы за идеологическое господство, а целью политической полемики, в отличие от философских дискуссий, в первую очередь являлась не теоретическая аргументация своей правоты, а «разоблачение» оппонента.

Главными оппонентами как марксизма, так и реформизма внутри «левого движения» оставались анархисты, среди которых следует выделить теоретиков Д. Гильома и М. Неттлау. Они категорически отвергали марксистские установки: во-первых, участие рабочих партий в парламентских выборах; во-вторых, неизбежность создания любых государственных образований (в том числе диктатуры пролетариата) в случае успеха революционного восстания, и, в-третьих, анархисты, являясь сторонниками децентрализации, вообще выражали сомнение в необходимости выработки единственной универсальной социалистической доктрины, на создании которой настаивали приверженцы К. Маркса.

В конце XIX в. в среде «левых» радикалов определенное распространение получила практика *индивидуального террора*. В этот период зарождение и распространение в Европе идей реформизма и тезисы ряда «левых» теоретиков о несвоевременности революции в совокупности с либерально-консервативной идеологией формировали новое политическое сознание. В этих условиях революция постепенно переставала пониматься как неизбежный этап

¹⁷ В частности Э. Бернштейн определял социалистический строй как «организованный либерализм» (См. Левые в Европе XX века. Люди и идеи. М., 2001, с. 56).

исторического процесса, превращаясь в изолированный, отрезанный от совокупного движения акт. Поэтому практика индивидуального террора, воплотившаяся в ряде покушений на представителей политических элит Европы, для значительной части «левых» радикалов, не считавших реформизм эффективным методом политической борьбы, стала единственным аналогом революции.

В целом, во второй половине XIX в. окончательно оформились все основные направления «левой мысли», имевшие четкую программную определенность, серьезное теоретическое обоснование, многочисленных сторонников. В 70-80-е гг. XIX в. массовые социалистические партии были созданы в Англии, Германии, Дании, Франции, Швейцарии, Швеции, ряде других стран Европы. В 1871 г. восставшими рабочими была образована Парижская коммуна, ставшая одной из первых попыток реализации идей «левых» на практике.

Политико-философские концепции «левых» мыслителей второй половины XIX в. противостояли консервативным и либеральным доктринам. Существенным отличием этих теорий от учений первой половины XIX столетия стали попытки объединения различных школ социализма. Все направления «левой мысли» этого периода характеризовала идея прогресса, ставшая теоретическим стержнем социалистических политико-философских доктрин. Многие философы, придерживавшиеся «левых взглядов», создали цельные теории, которые стали попыткой системного взгляда на действительность.

В то же время, многообразие социалистических концепций привело к внутреннему расколу среди сторонников «левых взглядов». Во второй половине XIX в. многие ключевые вопросы «левой мысли» переставали быть чисто мыслительными проблемами, приобретали совершенно новую акцентуацию и становились практическими вопросами. Краеугольным камнем философской систематики «левых» стало манифестированное К. Марксом диалектическое взаимодействие теории и практики. Сама философия стала восприниматься как дисциплина, равноправная эмпирическим социальным наукам. Идеологизация философии стала выражаться в первую очередь в перенесении сугубо политической полемики в мировоззренческую сферу: любое идейное направление в соответствии с логикой времени обязано было перейти в организационную плоскость, каждая теория призвана была стать руководством к действиям – осмысленной политической целью, так как в противном случае она трактовалась бы как абстрактно-отвлеченное мнение, не желающее указать путь к своему осуществлению. Теоретические работы постепенно переставали пользоваться популярностью, если в них отсутствовал анализ конкретных проблем и актуальных вопросов, лежащих в основе перегруппировок внутри рабочего движения. Этот перевод теоретических тезисов в практическую плоскость сопровождался неизбежными поправками, тактическими расхождениями и даже идеологическими кризисами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.